

Марина Крамская

ГЛАВА 1

ЗДЕСЬ НЕ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ ПОЕЗДА

До того звонка Илья вовсе не собирался сдавать свою единственную квартиру, в которую к тому же прочно врос со всеми вещами, телевизором и котом. Но дверной звонок прозвенел незадолго до полуночи, резкий и визгливый, каким и полагается предвещать дурные вести.

— Приеду завтра, останусь на неделю,— с ходу сообщил смутно знакомый женский голос.— Надеюсь, у тебя есть свежее постельное белье и кофеварка. Кстати, патефон в порядке?

По тому, как уверенно она распорядилась его будущим, Илья понял, что они знакомы. Правда, при каких обстоятельствах это произошло, он вспомнить не смог, но переспросить не решился.

— Порядок,— уверенно ответил Илья.— Приезжай... те.

Кот смерил его неодобрительным взглядом: мол, ты на что подписался, дурень? Какая-то женщина звонит посреди ночи, а ты блеешь как баран перед закланием. Стыд!

Утром в дверь постучали еще затемно. Илья кое-как оделся, босиком прошлепал по клейкому лино-

леуму и заглянул в глазок. В полумраке угадывался силуэт женщины, высокой и худой. Открывать ей совершенно не хотелось, но рука сама сдвинула защелку и пустила раннюю гостью за порог.

От нее веяло холодом и морем. Пальто с серебряными пуговицами добавляло плечам этой женщины ширины, но под ним она оказалась хрупкой и немного угловатой. С собой гостя принесла осеннюю сырость и потертый кожаный саквояж, из которого вызывающе торчал штатив для фотоаппарата.

— Прости, что рано,— извинилась женщина без малейшего раскаяния в голосе.— До вас сложно добраться.

Лицо ее узнавалось, но с трудом, как будто принадлежало сразу нескольким знакомым Ильи. Строгий взгляд, которым обычно одаривала его мама, стальные глаза — прямо как у его сестры, бабушкины тонкие поджатые губы. Определенно родственница, но как же её зовут?..

— Да,— кивнул Илья, продолжая копаться в памяти.— У нас тут место не туристическое, даже гостиницы вон ни одной толковой нет, никто не приезжает. А ты к нам какими судьбами?

— По работе,— сухо ответила гостя.— Я — журналист или, правильнее сказать, блогер. О вашем городе слухи интересные ходят — вот, приехала проверить, правда или выдумки.

Илья напрягся. Настроение у него отчего-то сразу упало, хотя никакие особенные слухи до него не доходили. Ну, бывали, конечно, странности, а где их нет? В остальном же город как город, жизнь еле течет, без всплесков и порогов, русло у нее ровное, пологое. И чего эта родственница задумала здесь раскопать? Наверняка какую-нибудь дрянную историю для желтой газетки.

— Нет у нас ничего интересного,— вяло буркнул Илья.— Только время зря на дорогу угрохала.

Гостя не ответила, отодвинула хозяина квартиры в сторону и прошла в единственную комнату. Скептически осмотрела сбитую в угол дивана несвежую простыню, пушистые от пыли книжные полки и комки носков, заброшенные под шкаф.

— Конура,— брезгливо поморщилась она.

Илья насупился, но не возразил. Выставить бы ее за порог, со всем багажом высокомерия и надменности, да только потом наверняка мать взбаламутится, мол, родню не привечаешь, плохо. А мать расстраивать не хотелось.

Из саквояжа на разостланный диван легли фотоаппарат, два чехла с объективами, косметичка с брякнущими склянками и грампластинка в картонном квадрате, которую гостя поспешила избавить от жесткого футляра. С пластинкой в руках родственница приблизилась к святилищу: трехуровневой этажерке, которую венчал патефон с сапфировой иглой. В отличие от остальной мебели, на гладкой черной поверхности этажерки не было ни пыли, ни разводов. Уложив винил под иглу, гостя осторожно тронула механическую ручку. Захрипело, зажужжало — и резко, будто прочистив горло, патефон запел «Аиду», чисто и пронзительно.

— Останусь,— решила гостя, обернувшись к Илье.— И заплачу. Скажи — сколько.

— Да не надо,— запротестовал Илья, хотя никаких сбережений на съем другого жилья у него не было.

— Ты не рыцарь,— холодно заметила гостя.— А я не приживалка.

Со дна саквояжа родственница достала кошелек, из которого отсчитала шесть рыжих купюр, протянув их Илье.

— Бери,— строго велела она.

Илья сам не понял, как протянул руку и забрал плату, от которой планировал твердо отказаться. Взглянул в пепельно-серые глаза незваной гостьи и подумал, что бог с ней. Пусть живет здесь хоть месяц, хоть год. Он сам перекантуется у мамы, раз дело семейное.

— Кота оставь,— предупредила гостья, когда Илья с наскоро собранной сумкой потянулся к переноске.

Кот, впрочем, не возражал, а запрыгнул на спинку кресла и мигал оттуда зелеными семафорами глаз. Илья помедлил на пороге и, чувствуя себя в сомнительной безопасности, все же спросил:

— Прости, я забыл, как тебя зовут?

— Маргарита,— ответила женщина.— Спасибо, что выручил.

Илья покивал, прижал к груди сумку. Дверь за ним захлопнулась, и он побрел вниз по сколотым ступеням.

Маргарита, Маргарита... Ничего не приходило на ум. Что же за слухи ей интересны? Глупостей много болтают, но из самых популярных — про поезда. Мол, хоть и есть платформа на вокзале, а сойти на нее невозможно. Несутся составы без оглядки как от чумы.

Раньше Илья думал, что туристам здесь просто нечего делать — слишком обычный у них городок. А теперь вдруг поймал себя на мысли: ни к кому из знакомых ведь даже друзья не приезжали. Бывало, возвращались упорхнувшие в столицу дети — те, у кого ни с семьей, ни с работой на новом месте не сложилось, но и то была редкость.

Вот даже к самому Илье, сколько ни звал, не приезжали — то заболеют, то какой-нибудь младенец родится. Сам Илья пару раз бывал в столице, но в «конуре», как выразилась Маргарита, ему жилось приятнее. Зря он ее пустил, конечно, да еще и кота ей оставил. Напишет теперь про их город не бог весть что.

Это же глупости, про поезда. Просто из всех достопримечательностей у них библиотека да пожарная часть. Вот и не едут за такими-то сокровищами, что удивительного?

Маргарита, Маргарита... Что-то теплело в груди от одной этой звонкой череды звуков. Сидя на остановке, Илья набрал номер матери — предупредить.

— Кто? — удивилась та, посвистывая заложенным носом.— Не помню такую.

Илья вдруг пожалел, что рассказал о незваной гостье. Квартиру он бы все равно ей уступил — ведь было у них что-то общее, *кровное*, понятное только им двоим. Теперь же сомнения, точившие его исподволь, укрепились.

— А-а-а,— вдруг опомнилась мама.— Маргоша, вспомнила! Бабы Любы племянница. Молодец, что помог.

К остановке подкатил тряский дымящий автобус, полный утренней людской каши, и пришлось разговор отложить. Илью вжали щекой в дверь, он еле дышал, но не мог отделаться от одной навязчивой мысли.

Он точно знал, что никакая она не племянница ни бабы Любы, ни тети Светы, но зачем-то уезжал из своей квартиры с одной наспех собранной сумкой, хотя еще вчера ничего подобного не задумывал. Но так было нужно. Стучало молоточками в висках: нужно, нужно. А когда перестанет быть нужно, он вернется.

Ничего странного в их городе не случилось. До этого дня.

* * *

Марго перевернула пластинку и бережно вернула на край иглу. Запахом свежего кофе удалось сбить кошачий дух. На столе лежал выведенный круглым

почерком список имен. Семнадцать. Каждому найдется, что рассказать.

Никого из них Марго еще не знала. Но они получат приглашения и, конечно, придут. Им попросту некуда деваться.

Дешевый кофе не скрасили ни молоко, ни сахар. Марго бескомпромиссно вылила в раковину целый кофейник, вернулась к патефону. Как можно иметь такой роскошный аппарат — и не иметь пристойного кофе? Хозяин «конуры» ей сразу не понравился, но он был одинок, невыдающегося ума, к тому же тюфяк. Меньше вопросов — меньше оправданий.

В дверь неожиданно забарабанили кулаками. Марго открыла дверь: на пороге стояла пожилая акkuratненькая старушка.

— Что вы себе позволяете? — взъерилась соседка.— Люди отдыхают, а от ваших рулад оглохнуть же можно!

— Два часа дня,— напомнила Марго.— Имею право хоть на ушах стоять.

— Ничего подобного! — возмутилась старушка.— У нас тут заведенный порядок, шуметь нельзя! Никогда! Ни в два, ни в шесть, ни в двенадцать!

— Закон есть закон.

— Я здесь закон.— Голос у старушки посуровел, стал гулким и объемным, словно они вдруг оказались под каменным сводом,— и, если не хочешь неприятностей, выключай свою шарманку. Немедленно.

Марго почувствовала, как электризуется воздух: шевельнись — и вспыхнет молния. У соседки дрожали руки, под морщинистой кожей вздулись вены, а по ногтям пошли еле заметные трещинки. Можно было подумать, что, если музыка сейчас же не иссякнет, старушка обрушит весь дом.

Этого нельзя было допустить.

Марго неуловимым движением поймала соседку за руку и крепко сдавила ее пальцы. Патефон в квартире, будто в насмешку, запел громче и раскатистей.

— Не нужно нервничать,— не спуская глаз со старушки, процедила Марго.— Я пробуду здесь неделю, а вы потерпите. И поберегите силы, не тратьтесь впустую. Возраст ведь, здоровье уже не то, что раньше, верно?

У старушки вытянулось лицо. В близоруких глазах заматались вопросы, но вырвался из них лишь один:

— Кто вы такая?

— Я — журналист,— пояснила Марго.— Сделаю репортаж о вашем чудном городке и умою руки. Не мешайте мне, и все будет хорошо. Или по крайней мере не хуже, чем было.

Старушка облизнула сухие дрожащие губы, высоводила руку и опрометью кинулась к лестнице.

Марго закрыла дверь, подперла ее спиной и тяжело задышала. Зря она так сразу. Этот город настроен враждебно. Этот город ее не ждал. Здесь варится собственное зелье, которому не нужны незнакомые элементы. Он закостенел, он, как затонувший корабль, так прочно оброс моллюсками, что разломать этот панцирь будет непросто.

И нужно ли?

Марго вернулась к столу и от руки написала семнадцать одинаковых писем. На пятом ее заколотил озноб — пришлось согреть чай.

Что она узнаёт от них? И не придется ли пойти на крайние меры, если правда окажется слишком... неприемлемой?

Игла соскользнула с пластинки, но Марго не встала ее поправить. Вместо этого она засучила рукава и взглянула на перламутровые переливы татуировок

от запястий к локтям. В полумраке выбитые на коже руны мерцали, принося иллюзию спокойствия.

Безымянный кот вспрыгнул ей на колени.

— Думаешь, у меня получится? — спросила у него Марго.

Кот утешительно замурчал. Что ж, один союзник найден.

Можно приступать.

ГЛАВА 2

Грязная вывеска на облупившемся фасаде не давала никаких надежд. Марго с саквояжем в одной руке и патефоном в другой разглядывала стертые временем и ветром буквы. Если здесь когда-то и кипела жизнь, это было давно.

Марго остановилась напротив безликой двери. Сквозь мутное стекло угадывалась лестница в подвал. Марго надавила на ручку — та не дрогнула. Надавила сильнее — предостерегающий скрежет. Татуировки на руках нагрелись и неприятно зудели. С третьей попытки дверь поддалась — и распахнулась в темное прелое нутро.

Едва Марго переступила порог, над головой хлопнули крылья — и крошечная птица, не больше синицы, выпорхнула наружу, стряхнув паутину с перьев. Пыльный ковер, устилавший лестницу, скрадывал шорох шагов. В полостях кирпичной кладки горели настоящие свечи. Их свет выхватывал из темноты картины в тяжелых золоченых рамах, полированные перила черного дерева и резные балясины со знакомым Марго рунным орнаментом.

Внизу оказалась тяжелая дверь. Потянув ее на себя, Марго поглубже вдохнула и зашла внутрь.

Играла тихая музыка. В тусклом свете за барной стойкой человек в старомодном бархатном сюртуке

полировал бокалы. Он поднял взгляд на гостью и невыразительно поинтересовался:

— Кофе?

Марго кивнула и прошла внутрь бара.

Камера прочно встала на треногу, круглым глазом глядя в стену напротив. На стол Марго выложила блокнот и шариковую ручку, забрала у бармена чашку кофе и в довершении водрузила на полку в угловом шкафу патефон.

— Я поставлю свою, если не возражаете,— обратилась она к бармену.

— Как вам угодно,— буркнул тот недовольно, и музыка, звучавшая прежде, тут же стихла, будто подслушала их разговор.

Из сакvojа, встряхнувшись, выбрался кот, легко вспрыгнул на стойку и улегся, разметав хвостом ворох зубочисток. Марго, так и не тронув кофе, вновь вернулась к стойке и выразительно взглянула на ряды бутылок за спиной бармена.

— Посоветуете что-нибудь? — попросила она.

— Откуда мне знать, что вам по вкусу? — Бармен заметно разозлился.— Я ведь впервые вас вижу.

— Тогда я предпочту самое выдержанное из того, что здесь есть.

Сопровождая каждый шаг раздраженным бормотанием, бармен вытянул из темноты пыльную бутылку с потертой этикеткой. Взвесил на руке, будто примеривался к броску, и сдвинул брови.

— Странно.

— Что-то не так?

— Не помню, чтобы кому-то наливал из нее.— Бармен на свет разглядывал темно-янтарное стекло.— Но в ней, кажется, почти ничего не осталось.

— Меня вполне устроит,— поспешно забрала бутылку Марго.

Не успела она притронуться к пробке, как на лестнице послышались мягкие шаги.

— Еще один кофе,— попросила Марго, когда в тяжелую дверь постучали и в подвал юркнула худенькая девушка с испуганными глазами.

В руках она сжимала конверт, подписанный круглым почерком.

— Я...— начала она, изумленно оглядываясь.— Я правильно пришла?

— Садись.— Марго повелительно махнула рукой в сторону кресла, на которое целилась ястребиным оком камера на штативе.

Девушка помялась, крепче сжимая конверт, но подчинилась. Музыка действовала на нее завораживающе, музыка вела ее к креслу и обещала не выдать, не навредить.

— Меня зовут Маргарита,— представилась Марго, усаживаясь возле камеры.

— Юля,— робко ответила девушка.— Мне доставили это...

Она запнулась, глядя на конверт, но продолжила, задумчиво озираясь:

— Какое странное место. Я думала, этот дом отдали под снос.

— Отдали,— подтвердила Марго.— Но что-то напутали с бумагами, и снос отложили.

— А я вам зачем понадобилась? То есть я хочу сказать,— Юля заметно разволновалась,— мы же с вами прежде не встречались?

— Нет,— мягко улыбнулась Марго.— Видишь ли, я приехала в ваш город, потому что о нем ходят разные слухи. Мол, странности происходят с людьми, необъяснимые явления. Ты ничего об этом не знаешь?

Юля дернулась, отвела взгляд, силясь не выдать правду. Но опоздала — правда уже сверкнула в воздухе серебряной молнией.

— Я... Нет. Со мной всё в порядке!

По тому, как резко и почти отчаянно она выкрикнула это, им обеим стала очевидна ложь.

— Есть вещи, которые не скроешь,— тихо сказала Марго.— Как нарывы. Чем быстрее избавишься, тем будет легче.

Юля начала медленно раскачиваться в кресле, сминая письмо. Музыка пьянила её, туманила и слепила, хотя сама она этого еще не понимала.

— Просто это... личное,— выдавила Юля бессильно.

— Никаких имен,— пообещала Марго.— Только история.

Ей было жаль эту потерянную девчонку, сердце и разум которой еще сопротивлялись музыке, но слабели с каждым вдохом. Но так нужно: ее осколок правды поможет увидеть всю картину.

Игла на патефоне перепрыгнула на следующую мелодию. Юля положила на колени измятый конверт, переплела пальцы и, глядя в блестящий глаз камеры, заговорила...

Марина Крамская

МЫ ЗА ТОБОЙ

...а ведь когда-то все было совсем по-другому.

От запаха хлорки жгло глаза, поясницу ломило от усталости. Юля с трудом распрямилась, обмакнув швабру в мутную воду. Никогда не думала, что к тридцати так обессилет, но каждый день как будто шел за два. И по утрам ей все меньше хотелось смотреть в зеркало.

Кто-то задел локтем, пробежал мимо — не извинившись, не заметив. Обычное дело. Юля отжала воду

со швабры, оставила блестящий улиточный след на линолеуме.

— Эй! — окликнули со спины.— Вы новенькая? Вечное «эй», ее первое имя.

Юля обернулась. Заведующая отделением хмурила густые брови. Конечно, ей было не по себе: что-то скреблось у нее в памяти как назойливый мотивчик, к которому не вспомнить слов.

— Да,— ответила Юля, разменявшая второй десяток лет службы в этой больнице.

Заведующая досадливо потерла кончик носа. Юля и раньше замечала, что у людей вечно свербит в носу, когда они пытаются ее вспомнить. Пытались, конечно, немногие, но у заведующей была феноменальная память. Все диагнозы хранились в ней как в картотеке, и, когда пациенты возвращались, благодарные, пять, десять лет спустя — заведующая каждого приветствовала по имени.

И только Юлина карточка вечно где-то терялась.

Мимо проковылял пациент: взглянул на Юлю, но не заволновался — мало ли как часто здесь санитарки меняются. Наверное, у предыдущей закончилась смена, а эта только заступила. Приветливо улыбнулся. Поздоровался с Юлей в третий раз за день.

...а ведь когда-то ее не забывали.

Юля продолжала тащить швабру — конец коридора приближался почти стремительно. Закончит здесь — и по палатам, а значит, к Сонечке. В груди потеплело, и даже поясницу перестало простреливать. На радостях плюхнула тряпкой по грязной воде слишком сильно.

— Эй! — возмутился пострадавший от брызг врач.— Осторожнее!

Юля покорно кивнула, буркнула извинения под нос, потащилась дальше. Дальше от знакомого